

... И через полчаса был атакован разбойниками, треклятыми татарами!

Положение дел было ужасным: верная смерть от рук грязных басурман всё быстрее приближалась, и Иван уже ощущал, хотя и только в мыслях, как его вспорют ятаганом, а после вздёрнут на пику и оставят в качестве некоего “подарка”, сопровождающего различным мимо проезжающим путешественникам...

По крайней мере, подобная лютая, зверская жестокость басурман казалась ему соответствующей реальности.

Впрочем, он всё же в глубине своих мыслей надеялся, что его не убьют, а продадут в рабство, всяко лучше верной смерти.

Однако, его надеждам не суждено было сбыться, но не потому, что его действительно ожидала долгая и мучительная казнь за бытие православным, да ещё и русским, а потому, что именно в этот день командир гарнизонного полка решил провести манёвры вблизи главной дороги, дабы отработать движение на марше (этот командир относился с полной серьёзностью и внимательностью к своим чинным обязанностям, как бы это ни было смешно), и, один из солдат, заметивший нападение басурман, прокричал “Татары!!!”, и командир, опешивший от столь неожиданного поворота событий, не принял всерьёз поначалу крик одного из служащих, поэтому уже начал вытаскивать свою шпагу, дабы наказать одного, однако, сам увидел басурман, и, с солидным видом, отдал приказ солдатам “стройся в три колонны”, и, с угрюмым видом, должный дать врагу понять, что тот собирается его изничтожить, беспощадно и бессмысленно жестоко, вместе с колоннами ускоренным маршем пошёл на врага, и Иван, видевший весь этот цирк позади них по той лишь простой причине, что он отчаянно нуждался в наблюдении за конными единицами врага, хотя и непонятно зачем, отдал приказ кучеру свернуть в сторону полка, но так, чтобы они прямым путём проехали вдоль полка и встали позади одного на передышку.

Кучер предупредил того, что, скорее всего, они лишь потеряют скорость и их, наконец, догонят, и отказался это делать.

Иван убедил того в том, что их так и так догонят, а если он сделает так, как ему сказал Ваня, то, возможно, они останутся в живых, и даже более, будучи свободными людьми, или, по крайней мере, они не станут рабами в правильном понимании этого слова (Кучер принадлежал купцу в качестве крепостного, такие дела).

Кучер, здраво рассудив, что предложенный вариант хоть и рискован, всё же лучше, чем надеяться на то, что прекрасно обученные конные всадники отстанут от них, будучи гораздо более проворными, нежели карета купца, уже было начал приступать к реализации плана, но прежде, Иван его предупредил, что ему [шофёру] стоит наклоняться в правую сторону для того, чтобы отчасти сбалансировать весовую нагрузку (тоже самое сделает и Иван в свою очередь), потому что если они этого не сделают, то их карета не сможет выправить крен в левую сторону и они упадут вместе с ней же оземь (при этом сам кучер пострадает серьёзнее всего), что, конечно, хоть и испугало кучера, и даже поубавило у одного решимости, но всё же в недостаточной степени, коли уж он продолжил делать этот невероятно сложный в управлении

манёвр, требующий одновременной и слаженной работы двух людей.

Крен, предупреждённый действиями Ивана и кучера, был выправлен, и карета, движимая лошадьми, изрядно уставшими от подобных скоростей, вопреки ожиданию басурман, двинулась в сторону полка. Немного ошарашенные событиями, татары и солдаты полка, а вместе с ними и командир полка, почти синхронно впали в краткий ступор, который, мусульмане, обиженные попытками Ивана убежать от них, всё же прервали быстрее всего, можно даже сказать, максимально оперативно, и вновь ринулись в погоню за несчастной каретой, однако время было упущено...

Карета смогла достичь зоны эффективной стрельбы новобранцев из гарнизона, и мусульманам, пускай и озлобленные поражением, нанесённым им Иваном, вынуждены были отступить, и гарнизон, вместе с каретой, смогли наконец-то отдышаться, после чего Иван, теперь уже спокойный и не обременённый страхом за собственную жизнь, мог теперь поговорить с командиром гарнизона полка.

Его звали Тимофей Аркадьевич Фёдоров. Иван, не желавший оставаться более хоть на минуту дольше в этом злостном местечке, видя очевидную для всех наивность командира, представился тому высокородным дворянином, связанным с царём, и, наобещав тому с три короба, попросил у того свежих скакунов для замены, якобы чтобы не опоздать донести царю важнейшее послание.

Командир тут же предложил ему, надеясь сильно услужить важному чину и даже самому цесарю, взять его, лучшую во всём округе, лошадь, чтобы он [Ваня], смог как можно быстрее доставить послание самодержцу.

Ивану сказал, что ему нужна именно замена лошадей на свежих, так как донесение было якобы связано с особым предметом, микстурой, очень для него [будущего императора] важной, которую нельзя никак тревожить колебаниями, якобы возникающими в процессе езды на лошади, и что только в карете она будет в полном спокойствии во время пути, прежде чем её сможет использовать царь, и вот тут, даже наивный командир, начал призадумываться, и видят это, Иван тут же показал ему в качестве микстуры ту самую его настойку (неизвестную командиру), а в качестве доказательства пагубного влияния попросил того проехать метр-два.

Капитан, невзирая на сомнения, всё же исполнил просьбу Ивана, а после взглянул на микстуру, и обнаружил активное её незначительное окрашивание, после чего Ваня тут же отнял её у любопытного капитана и заявил, что, если бы он проехал на метр больше, то чудотворная микстура была бы утеряна навсегда, и головы его бы более на плечах не было.

Капитан Тимофей, человек, почитавший и уважавший царя, помимо того, боявшийся его наказания, всё тут же в своей голове самым удивительным образом связал и разложил по полочкам, после чего приказал немедленно заменить лошадей на самых лучших, какие только у полка есть.

Приказ был исполнен весьма быстро, после чего, Иван, поблагодаривший капитана от всей

души и снова наобещав ему с три короба, поехал на “своей” де-факто новой карете далее...

<http://tl.rulate.ru/book/35676/777758>